

отнесены следователь и руководитель следственного органа, если обжалуемое решение затрагивает их интересы (например, может иметь своим следствием отстранение от расследования, дисциплинарное взыскание).

Полагаем, что проблемы правоприменительной практики позволяют ставить вопрос о внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс РФ путем предоставления права обжалования судебного решения следователю и руководителю следственного органа наряду с другими участниками уголовного судопроизводства.

Примечания

¹ Защита от следователя // Эж-ЮРИСТ. 2009. 2 марта. Размещено на официальном сайте Верховного Суда РФ. URL: http://www.vsrif.ru/print_page.php?id=5735.

*Н.А. Дубовис**

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ, СВЯЗАННЫХ С НАЛОЖЕНИЕМ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО, ПОЛУЧЕННОЕ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, В АНГЛИИ И УЭЛЬСЕ

В ходе изучения вопросов, связанных с ограничением права собственности в рамках уголовно-процессуальных отношений, мы решили обратиться к опыту других европейских стран, чтобы понять, в каких случаях ограничения права собственности по российскому законодательству не являются соразмерными преследуемым целям с точки зрения европейских стандартов, когда такие ограничения способны привести к нарушению тех или иных прав лица, *обеспечиваемых его имуществом*, и какие законодательные шаги по увеличению эффективности налагаемых ограничений могут быть предприняты.

* © Дубовис Н.А., 2012

Дубовис Наталья Анатольевна — соискатель кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского государственного университета

В рамках данных тезисов мы хотели бы кратко осветить отдельные элементы правового регулирования наложения ареста на имущество, предположительно полученное в результате совершения преступления и подлежащее на этом основании конфискации, в Англии и Уэльсе и провести их сравнение с соответствующими положениями российских законов.

Основным нормативным актом Англии и Уэльса, регулирующим в настоящее время вопросы, связанные с наложением ареста на имущество, полученное в результате совершения преступления, является Закон о доходах, полученных преступным путем (*Proceeds of Crime Act 2002*, далее — *ПОСА*), вступивший в силу 24 марта 2003 года.

В п. 41(3) *ПОСА* предусмотрена возможность исключить из состава арестовываемого имущества средства, необходимые для оплаты «разумных расходов на жизнь» и «разумных расходов на юридические услуги», а также собственность, необходимую обвиняемому (подозреваемому, подсудимому) для осуществления его профессиональной деятельности.

Первое исключение, касающееся «расходов на жизнь», обусловлено действием презумпции невиновности: наложение на собственность лица, вина которого не подтверждена судом, ограничений, в результате которых человек не смог бы поддерживать нормальный образ жизни, представляется непропорциональным. Однако очевидно, что дозволение обвиняемому любых трат, формально связанных с «расходами на жизнь», могло бы поставить под угрозу само достижение цели наложения ареста на имущество. Поэтому сложившаяся судебная практика признает адекватным предоставление обвиняемому 300 фунтов в неделю на повседневные расходы.

Российское уголовно-процессуальное законодательство не содержит подобных положений. Конечно, п. 4 ст. 115 УПК РФ предусматривает, что арест не может быть наложен на имущество, на которое в соответствии с ГПК РФ не может быть обращено взыскание. На первый взгляд, кажется, что ч. 1 ст. 446 ГПК РФ содержит положения, схожие с приведенными нормами *ПОСА*: взыскание не может быть обращено на «продукты питания и деньги на общую сумму не менее установленной величины прожиточного минимума самого гражданина-должника и лиц, находящихся на его иждивении». Однако применение этого правила к наложению ареста на имущество практически невозможно, т.к. ГПК РФ говорит о *еди-*

новременном взыскании, в то время как анализируемая нами мера носит длящийся (и длительный) характер. В любом случае величина прожиточного минимума представляет собой лишь *абсолютно минимальную* сумму, которая, с точки зрения государства, необходима человеку для жизни (по состоянию на II квартал 2009 года для трудоспособного населения она составляла 5 607 рублей). Возникает вопрос, почему считающийся невиновным человек должен довольствоваться лишь этим минимумом, если с помощью своего имущества он мог бы позволить себе больше. Это не означает, что, по нашему мнению, обвиняемый может тратить «на жизнь» любые средства, но ограничение их минимумом, соответствующим положению человека, имущественные обязательства которого подтверждены вступившим в законную силу решением суда, представляется несоразмерным.

Названная проблема не снимается и путем обращения к положениям ст. 99 и 101 ФЗ «Об исполнительном производстве», которые устанавливают ограничения взысканий на заработную плату и ряд других законных доходов лица (пенсии, пособия и т.п.). Учитывая, что обвиняемый может не заниматься трудовой деятельностью и не получать никаких иных периодических выплат, наложение ареста на все его имущество, являющееся единственным источником «расходов на жизнь», представляется нам непропорциональным ограничением и права собственности, и других обеспеченных им прав. В отдельных случаях это может даже поставить вопрос о нарушении права на достойную жизнь, гарантированного ст. 7 и 21 Конституции РФ.

Второе из предусмотренных *РОСА* исключений связано с оплатой юридических услуг. С одной стороны, из состава арестовываемого имущества запрещено исключать средства на оплату *юридических услуг, необходимых обвиняемому в связи с осуществлением защиты самого этого имущества от ареста*. При этом *РОСА* установил, что лицу должны быть доступны «общественные средства», выделяемые государством на оплату юридических услуг лицам, которые не могут произвести ее самостоятельно. С другой стороны, из состава имущества обвиняемого могут быть выделены средства для оплаты *юридических услуг, связанных с защитой от того уголовного обвинения, в результате предъявления которого имущество лица может быть конфисковано, равно как других юридических услуг, которые могут оказаться необходимыми обвиняемому (например, связанных с бракоразводным про-*

цессом, идущим параллельно с расследованием или разбирательством уголовного дела).

В российском законодательстве мы не находим каких-либо положений, предусматривающих возможность освободить имущество из-под ареста в целях оплаты юридических услуг любого рода, что снова ставит вопрос о пропорциональности подобных ограничений.

Право на получение качественной юридической помощи предусмотрено ст. 48 Конституции РФ. И в ряде случаев она оказывается бесплатно, за счет государства, в том числе по уголовным делам. Однако обвиняемый в данном случае может быть лишен *права на выбор* того защитника, услуги которого он мог бы себе позволить, если бы его имущество не было арестовано, равно как на определение их количества. Другими словами, арест имущества может ограничить лицо в возможности оказывать посредством денег влияние на качество и количество предоставляемых ему услуг *в части, превышающей минимальный уровень*, гарантированный государством, но не лишает его доступа к качественной юридической помощи по уголовному делу. Следовательно, такое ограничение права собственности обвиняемого при условии предоставления ему минимального объема качественных юридических услуг, необходимых для защиты от предъявленного уголовного обвинения, не является, по нашему мнению, непропорциональным.

Применительно же к возможности использования арестовываемого имущества в целях оплаты юридических услуг, необходимых обвиняемому *вне связи с уголовным делом*, российское законодательство, к сожалению, не содержит каких-либо правил. Статья 26 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» предусматривает оказание в ряде случаев бесплатной юридической помощи по делам, не являющимся уголовными, но их перечень столь мал, что вряд ли ее можно серьезно рассматривать в качестве средства решения этой проблемы. Кроме того, названная статья в подавляющем большинстве случаев предусматривает оказание бесплатной юридической помощи лишь гражданам, среднедушевой доход семей которых ниже величины прожиточного минимума, в то время как обвиняемые, имущество которых помещается под арест, вовсе не обязательно являются по формальным признакам малоимущими. Учитывая, что в ряде случаев в результате отсутствия доступа к качественной юридической помощи по причине ареста имущества и неимения каких-либо иных средств для ее

оплаты те или иные права обвиняемого, в т.ч. конституционные, могут пострадать, подобное ограничение представляется нам несоразмерным.

Третье предусмотренное *РОСА* исключение, касающееся имущества, необходимого для осуществления обвиняемым профессиональной деятельности, казалось бы, находит свою параллель в российском законодательстве. Статья 446 ГПК РФ предусматривает, что взыскание не может быть обращено на имущество, необходимое для профессиональных занятий гражданина-должника, за исключением предметов, стоимость которых превышает сто минимальных размеров оплаты труда. Однако в данном случае речь вновь идет о взысканиях на основании вступившего в законную силу решения суда, отсюда и достаточно маленькая стоимость имущества, которое может оставить себе гражданин с целью занятия профессиональной деятельностью. С учетом положений Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» № 82-ФЗ от 19 июня 2000 г. это всего лишь 10 000 рублей. И даже если предположить, что в случае конфискации имущества по приговору суда стоимость вещей, которые лицо может оставить себе для занятия профессиональной деятельностью, пропорциональна общественным интересам, обуславливающим применение названной меры уголовно-правового характера, мы вряд ли можем прийти к аналогичному выводу в ситуации, когда лицо пользуется презумпцией невиновности.

Еще одним интересным аспектом анализируемого правового режима наложения ареста на имущество, предположительно полученное в результате совершения преступления, в Англии и Уэльсе является адресованное органам расследования (в российской терминологии) требование доказать, что в отсутствие ареста имущество может быть тем или иным образом реализовано, что сделает его недоступным для исполнения решения о конфискации. Здесь мы не ссылаемся на *РОСА*, т.к. это требование выработано судебной практикой применения законодательства, регулировавшего анализируемые нами вопросы еще до *РОСА* (впервые об этом было сказано в решении Апелляционного Суда по делу *AJ and DJ* от 09 декабря 1992 г.). Кроме того, конечно, для наложения ареста на имущество само подозрение в совершении преступления, равно как отдельно в том, что лицо незаконно получило имущество в результате этого, должно быть подтверждено органами расследования в суде.

В целях доказывания вероятности того, что имущество может быть реализовано обвиняемым, органы расследования могут ссылаться на целый ряд определенных законом презумпций. Например, если лицо получило доход свыше 10 000 фунтов, это само по себе может указывать, по мнению судей Апелляционного Суда, что имущество будет недоступно для возможной в будущем конфискации, если не наложить на него арест. Другой пример – если по своей сути преступление, в совершении которого обвиняется лицо, связано с бесчестным поведением, мошенничеством, то этого достаточно, чтобы сделать обоснованный вывод, что имущество может быть реализовано. Однако и здесь есть факторы, которые могут потребовать дополнительного обоснования необходимости наложения ареста. Например, если имущество после начала расследования, а точнее момента, когда об этом стало известно обвиняемому, в течение долгого времени остается в собственности последнего, то органы расследования должны продемонстрировать суду, почему арест стал необходимым, в то время как и без его наложения с имуществом ничего не произошло и оно остается доступным для возможной конфискации (см., например, решение Палаты лордов по делу *Jennings v CPS* 2008 г.). Но даже если органы расследования не смогли доказать, что существует опасность реализации имущества, судья все равно может наложить арест (или отказаться снимать его), исходя из общественных интересов, заключающихся, что очевидно, в сохранении доступности имущества для конфискации.

Ничего подобного в российском законодательстве мы не находим. Основанием для наложения ареста на имущество является лишь вероятность того, что оно может быть конфисковано. Вопрос о том, существует ли вероятность его реализации, если не наложить арест, не рассматривается ни при каких обстоятельствах. Мы полагаем, что это само по себе вызывает сомнение в соответствии применяемого средства – наложения ареста на имущество – преследуемой цели – обеспечить его доступность для конфискации, т.к. в законодательстве фактически отсутствует требование доказывания того, что ее достижение требует принудительного ограничения права собственности.

Также примечательным аспектом *РОСА* является право суда снять арест с имущества не только путем отмены решения о его наложении, но и в рамках удовлетворения отдельного ходатайства обвиняемого или любого затронутого данной мерой лица (п. 42(3)).

УПК РФ такой возможности не предусматривает. В п. 9 ст. 115 УПК РФ указано, что наложение ареста на имущество отменяется только на основании постановления, определения лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, когда в применении этой меры отпадает необходимость. Это, по нашему мнению, очевидно ненормальная ситуация, т.к. суд фактически лишен полномочий по освобождению имущества от продолжительного необоснованного ареста, когда не ставится (или разрешен не в пользу обвиняемого) вопрос о законности первоначального избрания данной меры принуждения.

Еще более интересным является право суда потребовать от обвиняемого предоставить органам расследования все данные о своем имуществе, а в случае наличия собственности за границей (за пределами Англии и Уэльса, т.е. юрисдикции судов) также репатриировать ее. Это — отдельное требование, неисполнение которого может привести к обвинению в неуважении к суду, что грозит, в т.ч. достаточно длительным сроком лишения свободы. Органы расследования могут использовать эти данные исключительно в целях наложения ареста на имущество и соответственно обеспечения его возможной конфискации в будущем. Они не могут быть использованы для доказывания преступной деятельности обвиняемого. Конечно, это крайне позитивные положения, т.к. они служат повышению эффективности процедуры взыскания имущества, полученного преступным путем. Однако предлагать введение подобной процедуры в России мы бы не решились, т.к. ее реализация предполагает наличие действенных, работающих, находящихся свое закрепление в законе и на практике процедур проверки всего пути получения каждого из доказательств, используемых для обвинения лица в совершении преступления. До тех пор пока в России подобных инструментов не существует, а для «узаконения» происхождения доказательства достаточно, например, сослаться на некие «оперативные данные» и (или) предъявить абстрактный по своему содержанию рапорт оперативного сотрудника о получении информации из источника, который охраняется понятием «государственная тайна», от применяемых в Англии и Уэльсе, действенных в иной правовой среде инструментов повышения эффективности конфискации имущества стоит, по нашему мнению, воздержаться.

Немаловажными представляются нам и положения *РОСА*, предусматривающие возможность рассмотрения судом вопроса о на-

ложении ареста без уведомления лица, об имуществе которого идет речь. Это действительно допустимо и широко используется, но лишь при условии, что органы расследования докажут, что уведомление может привести к реализации имущества до того, как суд примет решение по соответствующему ходатайству. Другими словами, по общему правилу процесс, связанный с наложением ареста на имущество, должен быть состязательным, а стороны — пользоваться равными правами, если только интересы правосудия не свидетельствуют о необходимости ограничения процессуальных прав обвиняемого. Здесь важно добавить, что любое ограничение по общему правилу требует тех или иных мер, призванных нивелировать его последствия. И в данном случае мы можем отнести к ним правило, согласно которому лицо, на имущество которого был наложен арест без предварительного сообщения ему о том, что судом будет рассматриваться соответствующее ходатайство, может обратиться *в тот же суд*, который принял это решение, с просьбой снять арест с имущества или изменить тем или иным образом первоначальное решение. Более того, обвиняемый не только может обратиться в этот же суд, в результате чего его дело будет рассмотрено, по сути, вновь по первой инстанции со всеми присущими ей процессуальными правилами принятия решения (теперь уже в отсутствие опасности того, что имущество будет реализовано), но и *не может* обжаловать первоначальное решение в кассационном (в российской терминологии) порядке. Другими словами, человеку фактически гарантируется повторное рассмотрение его дела в первой инстанции с соблюдением всех требований справедливого судебного разбирательства. А уже второе решение, если оно не устраивает его, может быть обжаловано в вышестоящий суд.

В законодательстве Англии и Уэльса можно найти немало других интересных с точки зрения сравнительного анализа положений, к которым мы надеемся вернуться в ходе дальнейших исследований.